

Добр, покладист, творчески активен.
Родился 21 июля 1992 года. Проживаю в городе Кирове. Литературой заинтересовался в 10 лет. В 13 лет написал повесть на тему Half-Life. С 15 лет работаю над повестью «Весенний дождь». В народе известен под именем Зигмунд Эйнштейн.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ: такой, какой уж есть

Когда мне не хватает дождя, я открываю окно и барабаню по подоконнику. Мне нравится, что соседи снизу и сверху начинают делать то же самое. Это честно, и я благодарен, что оказался здесь утром, перед этим огромным окном с панорамой на чужой город. К пяти утра это уже стиль жизни — впускать через форточку редкий снег к себе в гости.

Ветер легко трепал мои волосы, пытаюсь выместить из моей головы любые мысли.

— Куда ты спешишь? К чему стремишься? — спрашивал меня мой невидимый спутник. — Какие пути исповедуешь?

Я не находил ответа. Можно было просто остановиться на секунду, прочувствовать быстротечное мгновение и идти дальше.

В ПОТОКЕ ЖИЗНИ

Знакомьтесь

— Ну что, как дела?

Это папа. Когда я был совсем маленьким, он казался самым большим человеком на Земле. Может быть, с высоты моего роста нельзя было разглядеть всех его достоинств и недостатков, зато я точно знал, что этот человек — мой.

А это мама. Самому доброму и красивому человеку сейчас нужно успеть сделать много дел. Одно из них — сесть со мной рядом и поговорить о дне прошедшем и грядущем. Кажется, каждый ребенок запоминает из детства не цельные образы родителей, а лишь смутные о них представления. Если отец, то это — ноги. Если мать, то — лицо. Бабушка — руки. Такие теплые, с морщинками, которые всегда рядом. Они треплют тебя за волосы, тянутся к очкам, перебирают спицами, плавают по кухне.

Это прадед. Он пережил Октябрьскую революцию и прошел Великую Отечественную войну. Наверное, именно от того, что довелось ему увидеть, он ослеп. Многим, что у меня есть в жизни, я обязан ему. Нет, не обязан. Я его люблю. Просто так.

Знакомьтесь, это моя семья.

Андрей Захаров

11 класс,
школа № 10, Киров

Вспышки

Отец сидит у окна — ему всегда жарко. Перед ним огромная тарелка с макаронами. Я сажусь к нему на колени, чтобы отхватить от его порции. Отец держит в руках банку с вареньем и протягивает маме. Вспышка.

Пасха. Я, после долгой прогулки, вбегаю на кухню. Потому, что с улицы позвал домой божественный запах кулича. Мама, вся в муке, собирает семью ужинать. Святая трапеза. Вспышка.

Каменистый берег реки. Я — где-то на уровне папиного локтя. Он купил мне целый пакет леденцов и спрашивает, какой формы камни и леденцы, почему они падают, если бросить. Я не слушаю и бегу за очередным леденцом, потом за камешками, и кидаю их по очереди в воду. Мы медленно бредем по берегу. Вспышка.

Пляж. С моста иногда прилетают погреться эхо автомобильных моторов и треск отбойного молотка. Из песка медленно растут крепости, замки, головы с греческими

Время и история. Аня Дубовицкая, Полина Лукина
Проект «Мир вещей»

Посвящение в тайны творчества
Татьяна Калмина
Проект
«Мир вещей»

профилями и широко раскрытыми ртами. Мама пробует ногой воду и зовет меня за собой. Я захожу в реку и окунаюсь с головой. Мама учит меня плавать. Глупая гроза приходит в полдень. Перед тем, как покинуть пляж, мы останавливаемся на берегу. Улыбаюсь в объектив. Вспышка.

Когда я поехал в лагерь, кажется, и не вспоминал о родителях. У меня была другая семья — из друзей и вожатых. А потом эта семья пропала. Мы ехали в раскаленном автобусе домой, и я не задумывался, зачем она была нужна. Я просто наслаждался мыслью о том, что скоро буду дома.

Эссе на заданную тему

Буквально в этот же день (когда писались первые две части) мы шли с отцом по старому двору. Папа вдруг спросил меня: «А помнишь, в детстве, мы часто сюда ходили? Здесь все еще эти старые качели. Ты постоянно просил тебя качать, а они скрипели и скрипели».

— Помню, — ответил я. — Это так интересно, что ты сказал об этом.

— Почему?

— Я как раз сегодня писал работу на тему «Моя семья» и вспоминал разные моменты из детства.

— Интересно, какие?

— Ну, например, помнишь, как мы однажды ходили на берег реки, и ты мне купил каких-то конфет и все спрашивал, какой они формы?

Он улыбнулся.

— А помнишь, как я тебя гонял на лыжах в Заречном? Когда мы приходили домой, у тебя аж язык высовывался, и ты сразу валился на диван.

— Да, помню. А помнишь, как мы с тобой ходили на остров? Ну, который за мебельным заводом. Это

было так здорово — казалось, что никто не знает про этот остров, и он был весь наш. Я тогда еще плавать не умел.

— Да. А помнишь, как мы ездили в Москву? Ты, вроде, в 3 классе был?

— Точно.

— Я помню, когда мы только приехали, я оставил тебя у одной знакомой и сказал ждать меня. А когда вернулся, ты сидел на ступеньках и плакал — «Чего ты меня одного оставил?»

— Помню. Мы тогда в Электросталь ездили к твоим тете, двоюродному брату и бабушке.

Мы пустились в воспоминания. «А помнишь...?», «А помнишь...?». Потом вдруг замолчали. Я подождал немного и выдал:

— Странно: почему-то все яркие воспоминания связаны с тобой, хотя общаюсь я больше с мамой.

— ...Хм. Действительно. Может потому, что такие события очень редки, можно сказать — единичны. Только они и запоминаются... Но что же, разве нет никаких воспоминаний, связанных с мамой? Вы же ездили каждое лето в Омутнинск, Саранск...

— Да, но это воспоминания об Омутнинске и Саранске, а не о маме.

Я понял, что он думает уже о чем-то своем, и замолчал. Меня тоже уводило за собой свои воспоминания и мысли.

Я посмотрел на отца и увидел, что он улыбается. Так мы улыбаемся, когда нам хорошо и грустно одновременно. Я понимал его, как никогда раньше.

Непрерывность

Сначала я ходил во двор с мамой, бабушкой или папой. Потом я научился сам качаться, и потребность в том, чтобы водить с собой на качели родителей, от-

Дерево. Анна Наболина
Проект «Флора»

Стремление ввысь. В. Клешнин
Проект «Технократия-сапиенс»

пала. Может, это был микроскопический шаг к разрыву поколений. И, кажется, я даже понимаю, почему все так.

Семья — это не цель жизни. Семья — опора и фундамент. Когда закладываются первые этажи здания, фундамент еще виден, и его значение понимают все строители и будущие жильцы. А потом дом достраивается, и фундамент остается надежно скрытым под землей. Но это не значит, что опора здания исчезла. Точно так же корни дерева до конца жизни держат его в устойчивом положении.

То же самое с человеком. Пока ребенок растет, он, скорее всего, и не понимает важности семьи — ее понимают родители. А жильцы дома, может, и не подумают о фундаменте. Пока он не обвалится.

Только когда юноша или взрослый человек вспомнит о родителях, это будет истинным пониманием значения семьи. Странными тогда покажутся вопросы: «Как бы я жил без родителей?», «Как бы они обходились без меня?»

...И знаете, я все-таки вспомнил самое главное событие, связанное с матерью.

Это. Моя. Жизнь.

Шум за стеной

Голоса вокруг, но никогда не заглядывают внутрь. Когда мне не хватает дождя, я открываю окно и барабаню по подоконнику. Мне нравится, что соседи снизу и сверху начинают делать то же самое.

Все хорошо. Может, это даже и романтично — встречать холодный рассвет на 137 этаже гостиницы.

Шум за стеной не дает уснуть — рядом аэропорт,

я плачу администратору триста и живу два дня в этом шуме. Это честно, и я благодарен, что оказался здесь утром, перед этим огромным окном с панорамой на чужой город. К пяти утра это уже стиль жизни — впускать через форточку редкий снег к себе в гости.

Через телефонную сеть я кричал всем друзьям, но сегодня ее отключили. А когда набираешь номер, можно часами болтать с автоответчиком о погоде и ее муже, просто никто не знает, что там работает живой оператор. Я рассказываю ей о том, что застрял утром в неизвестном городе, а аэропорт расположен прямо под окном, и можно попасть на самолет, минуя контроль. Если она и смеется, то искусно скрывает это.

Вот она — ирония судьбы! Новый год поделил зиму на неравные части, и я не знаю, что делать в оставшееся мне время.

Вечером я уже шел по родным улицам. Я вспомнил все методы разнообразить прогулку: ступать ровно по плиткам во дворах, испытывать в действии центробежную силу, раскручивая вокруг себя сумку... Наконец, я уткнулся в дверь подъезда своего дома.

Ночью я услышал уже родной шум за стеной. А еще кто-то барабанил по подоконнику. Сначала я подумал, что это соседи скучают. Ничто меня не будило, чтобы выглянуть на улицу из окна. А в город, запыхавшись, растрепав волосы, вконец отчаявшись меня найти, ворвалась Она.

Ближе к утру, пытаюсь перекричать шум за стеной, кто-то все рассказывал автоответчику свою странную версию прихода долгожданной весны.